

Г.М.Коваленко

«ГОРОД ГАНЗЕАТИЧЕСКИХ ВОСПОМИНАНИЙ»

Статья посвящена проблеме восприятия ганзейского прошлого Великого Новгорода иностранными путешественниками, которые посещали город в XV—XIX веках. Превращение некогда крупного центра международной торговли и русской политической жизни в обычный провинциальный город не привело к исчезновению памяти о его былом величии, и для иностранцев он продолжал оставаться особым местом, отмеченным западноевропейским влиянием, начало которому положили новгородско-ганзейские контакты.

Ключевые слова: Великий Новгород, иностранцы в Новгороде

«Городом ганзеатических воспоминаний» назвал Новгород А.И.Герцен [1]. Возможно, именно поэтому среди иностранцев, оставивших свои описания Новгорода, так много немцев. По подсчетам Фридриха Аделунга, в XVI веке было издано 80, а в XVII веке — 157 иностранных сочинений о России [2]. Из них примерно четверть приходится на немецких авторов, для которых, по словам Георга Райнбека, Новгород был интересен «уже тем, что был связан с ними через Ганзейский союз» [3].

Следы немецкой «Новгородики» обнаруживаются уже в XIII веке. В «Хронике Ливонии» немецкого летописца первой половины столетия Генриха Латвийского и «Ливонской рифмованной хронике» конца столетия есть упоминания о Новгороде, Новгородском королевстве и новгородских «королях» (князьях) и «великих королях», как правило, безымянных [4, 5].

В XV веке начинается накопление географических и этнографических сведений о России и распространение информации о ней в европейских странах купцами, монахами и дипломатами. Наиболее оперативной была информация купцов, носившая не только торгово-экономический, но и политический характер. Обладавшие профессиональной наблюдательностью, купцы иногда выступали в роли авторов хроник, составителей разговорников и словарей, то есть распространяли и культурную информацию [6].

К началу XV века относятся первые западноевропейские изобразительные материалы о Новгороде. Это резьба на скамье купцов, торговавших с Новгородом (Gestühl der Novgorodfahrer), в церкви св. Николая в Штральзунде (ок. 1400 г.). На четырех резных досках представлены основные новгородские промыслы, продукты которых шли на экспорт: пушной промысел и бортничество. Явления новгородской хозяйственной жизни отображены здесь довольно наглядно. Изображенные на фризе лук и стрелы в руках охотников аналогичны тем, что обнаружены при археологических раскопках [7]. Одна из досок представляет сцену торговли русских купцов с Ганзейской конторой. Два новгородских купца в островерхих шапках с заплетенными бородами принесли меха и воск к воротам двора св. Петра. Почти в таком же обличье изображен новгородский купец на гербе Новгородской ганзейской конторы в ратуше Любека [8].

XVI век стал новым этапом знакомства европейцев с Российским государством, которое становится объектом все более пристального внимания иностранных наблюдателей. При этом меняется направление культурных связей Руси с Европой. Если в предыдущем столетии в них преобладали итальянцы, то теперь «немцы» заслонили «фрягов», и пальма первенства перешла к выходцам из Германских земель [6, с. 226]. В их хронологическом перечне первое место занимает личный секретарь магистра Ливонского ордена Вольтера фон Плеттенберга, епископ Дерпта Кристиан Бомховер. Его «Прекрасную историю об удивительных деяниях государей Ливонии в борьбе с русскими и татарами», изданную в 1508 г., можно считать одним из первых иностранных сочинений по истории новгородско-ганзейской торговли¹. Немецкому подворью в Великом Новгороде и его закрытию посвящен специальный раздел хроники под названием «О несправедливом и суровом задержании купцов Немецкой Ганзы и причиненных им убытках». Порицая Ивана III за арест ганзейских купцов и рассматривая его поступок как проявление склонности к тирании, Бомховер указывает, что великий князь поступил так в ответ на казнь двух русских в Ревеле.

Автор «Прекрасной истории» отмечает, что закрытие Ганзейского двора явилось актом вмешательства государства в торговые дела, следствием присоединения Новгорода к Московскому государству. Оно имело как моральные, так и экономические последствия: «тогда все умы, а также и торговля, отвратились от Новгорода».

Русско-немецкая торговля в средние века нигде более на Руси не достигла таких масштабов, как в Новгороде, — крупном центре международной торговли в северо-восточной Европе. Как уже отмечалось в исторической литературе, характер взаимоотношений между новгородцами и ганзейскими городами стал стремительно меняться не в лучшую сторону после потери Новгородом независимости и присоединения его в 1478 г. к Московскому государству. Экономические контакты некогда суверенного города с зарубежьем теперь

¹ Eynne Schonne Hystorie van vunderlyken gescheffthen der herren tho Lyfflanth myth den russen unde tartaren // Archiv für die Geschichte Liv-, Est- und Kurlands / hg. v. K. von Schirren. Bd. 8. Reval, 1861. См.: Freiherr von Taube A. "Der Untergang der livländischen Selbstständigkeit": Die livländische Chronistik des 16. Jahrhunderts // Geschichte der deutschbaltischen Geschichtsschreibung. Köln; Wien, 1986; Бессуднова М.Б. Ливонская историография рубежа XV и XVI веков // Исторические записки ВГУ. Вып. 12. Воронеж, 2006.

определялись генеральной стратегией великого князя Ивана III и напрямую зависели от его внутри- и особенно внешнеполитического курса.

В 1487 г. между Ганзой и Москвой был подписан новый торговый договор, который зафиксировал изменения в статусе международного положения Москвы: впервые подобный договор был заключен не с Новгородом, а с Московским государством. Договор менял порядок торговли новгородцев: в Новгороде ликвидировались привилегии ганзейцев в торговле солью, медом, сукном. Таким образом, русско-ганзейские отношения косвенно были направлены в русло ограничения новгородской независимости² [9].

После закрытия в Великом Новгороде Немецкого подворья и ареста ганзейских купцов в Ливонии стали распространяться слухи о скором начале войны с Россией. Это заставило магистра Ливонского ордена Вольтера фон Плеттенберга предпринять превентивные меры, в том числе разведывательного характера. По его поручению фогт Нарвы Конрад Штрик заслал на русскую территорию своих лазутчиков (*vorspeers*). Об одном из них он писал магистру, что он «уповая на помощь единого только Господа, скрытно направился в Новгород <...> ради того, чтобы эта страна и ваша честь имели надежные сведения о своих купцах и вовремя получали известия о предприятиях и намерениях русских». При этом он просил «позволить этому нашему служителю в вашем городе привозить и увозить, покупать и продавать свои товары; после того как он сможет воспользоваться нашей дружеской просьбой, он сумеет, не вызывая подозрений, бывать в Новгороде». Таким образом, речь шла не о простом лазутчике, а о внедрении тщательно законспирированного агента, которому предстояло действовать в Новгороде на протяжении длительного времени³.

Донесения ливонских агентов свидетельствуют о том, что они были не только вхожи к посаднику, но и общались с присланными из Москвы боярами. В них неоднократно отмечались факты получения информации от русских и в первую очередь новгородцев. По мнению М.Б.Бессудновой, это «можно объяснить лишь неприятием новых порядков, которые были установлены в бывших владениях вольного Великого Новгорода московскими властями, в частности, перераспределением земельных владений и расселением там служилого московского дворянства. <...> Недовольство создавшимся положением в Новгороде, определенно, присутствовало и создавало благоприятные условия для действий ливонских разведчиков»⁴.

В XVI веке в обиход широко известная, кочующая из сочинения в сочинение пословица «Кто против бога и Великого Новгорода» — *Quis potest contra Deum & magnam Neugardiam*. Впервые она была приведена в 1518 г. в сочинении немецкого богослова и историка Альберта Кранца «Вандалия».

Первым подробным систематическим описанием Московского государства стали «Записки о Московии» имперского дипломата Сигизмунда Герберштейна, побывавшего в Московии в 1517 и 1526 гг. [10]. Он был знаком с европейской историографией, знал славянские языки и читал русские письменные источники. Поэтому его сочинение «Записки о Московии» является одним из наиболее полных и достоверных описаний Московского государства XVI века, основанном как на личных впечатлениях, так и на оригинальных исторических источниках. Оно содержит разнообразную информацию о внутренней и внешней политике Российского государства, его экономическом и культурном развитии, этнографии и географии. «Записки о Московии» сыграли важную роль в расширении экономических и культурных связей России с Европой. В XVI веке они были наиболее известным и читаемым сочинением о России (каковыми остаются и до сих пор) и оказали большое влияние на европейскую историографию Руси.

Излагая легенду о призвании варягов (Рюрика, Синеуса и Трувора), Герберштейн писал: «Русские хвалятся, что эти братья происходили от римлян, от которых повел, как он утверждает, свой род и нынешний московский государь». Это свидетельствует о том, что во времена Василия III миф о варягах был уже прочно ориентирован в сторону Запада; московский великий князь непоколебимо считал себя потомком римских цезарей [11].

В XVI веке многие иностранные авторы констатировали стремление Москвы распространить свое влияние на ближайших соседей. Подобно многим европейцам, Герберштейн испытывал страх перед ростом могущества Московского государства, представлявшего уже весьма внушительную политическую силу на европейском горизонте. Поэтому деятельность московских великих князей, направленную на «собрание земель», он оценивал негативно. Не случайно он написал, что Иван III обратил новгородцев в рабство, и

² По мнению Д.Биллингтона, космополитизм Новгорода «был пресечен Иваном III и Василием III посредством ликвидации анклава Ганзейской Лиги в Новгороде и последующих ограничениях свободы торговых и договорных отношений, которые Новгород и Псков установили с Западом еще до сотрудничества с Ганзой» (Биллингтон Д.Х. Икона и топор. М., 2001. С. 114).

³ Бессуднова М.Б.: 1) «...Исполнено с большим тщанием». Действия разведывательной службы Ливонского ордена в пределах Новгородской земли на рубеже XV—XVI веков // Чело. 2006. № 3. С. 27; 2) Она же. Специфика и динамика развития русско-ливонских противоречий в последней трети XV века. Воронеж, 2016. С. 245-256.

⁴ Бессуднова М.Б. «...Исполнено с большим тщанием»... С. 28. Разведывательную информацию в Новгороде собирали также шведы. В Государственном архиве Швеции сохранился уникальный документ — список шпионов Эрика XIV, из которого явствует, что шведские агенты в России были не только в пограничных районах Новгородской земли, но и при дворе новгородского наместника. (Register opå alle kundtscaffter szom både her inririkes och uthom landtz brukes // Historiskt Bibliotek. Del V. Stockholm, 1879. Strödda meddelanden. S. 156-157).

противопоставил независимый Новгород Новгороду, подчинившемуся власти великого князя⁵. Он считает, что следствием этого было падение нравов новгородцев: «Народ там был очень обходительный и честный, но ныне крайне испорчен, чему, вне сомнения, виной московская зараза, занесенная туда заезжими москвитями». Противопоставив Новгород Москве, Герберштейн фактически поставил вопрос об альтернативах политического развития России, который до сих пор обсуждают как отечественные, так и зарубежные исследователи (Ю.Г.Алексеев, Р.Г.Скрынников, А.В.Исаченко, П.-А.Будин, С.Франклин).

Герберштейн первым из иностранцев упоминает о бронзовых вратах западного фасада Софии Новгородской, которые позднее называли то Корсунскими, то Сигтунскими, то Магдебургскими, то Плоцкими⁶. Он сообщает, что согласно преданию, они были привезены из Корсуни: «Новгородцы в течение семи лет подряд были заняты тяжелой осадой греческого города Корсуни <...> завоевав город, победители вернулись с войны, везя с собой медные ворота покоренного города».

Герберштейн наметил основные темы в иностранных описаниях Новгорода. Во второй половине столетия к ним прибавилась еще одна — опричный разгром 1570 г.. Его описали в своих «Записках» участники опричного похода на Новгород перешедшие на русскую службу ливонские дворяне Иоганн Таубе и Эйлар Крузе [12], вестфальский бюргер Генрих Штаден [13], а также выходец из Померании Альберт Шлихтинг [14]. Шлихтинг довольно точно оценивает общее число жертв этой акции (2770 человек, «не считая лиц низкого происхождения»). Почти хрестоматийным стало приведенное в его сочинении описание жестокой казни новгородского гостя Федора Сыркова, совершенной по приказу царя и сохранившее язык эсхатологических образов, понятных очевидцам и современникам.

Трагедия Новгорода была описана в немецкой «Правдивой новой газете». Анонимный автор изданной 1572 г. во Франкфурте-на-Майне брошюры «Истинно правдивое описание некоторых деяний, происшедших и случившихся в России — в Москве, во Пскове, в Новгороде, в Нарве, Ревеле, в Дерпте и других городах» описал картину опричного террора в Новгороде, дополнив ее описанием расправы над животными: «И какую тиранию великий князь творил над подданными, такую же и над скотом, принадлежавшим им, над лошадьми, быками и коровами. Со спин у них снимали шкуру, драли до мяса, потом забивали дубинами и топорами». Сохранились также современные немецкие брошюры, составленные со слов иноземных купцов.

Уроженец Вестфалии Франц Ниенштедт, поселившийся в Дерпте, совершал торговые поездки в Москву, Новгород и Псков и был знаком с внутренним состоянием Московского государства. В 1571 г. он переехал в Ригу, в 1583 г. был избран членом магистрата, а в 1585 г. стал бургомистром. Он оставил после себя рукопись под названием «Ливонская летопись Франца Ниенштедта бывшего рижского бургомистра и королевского бурграффа» [15], в которой дал описание Ганзейского двора в Новгороде: «Около того же времени большая контора в русском Новгороде была в силе, и в то время русский герцог с городским старшиной управлял городом, находившимся в большом процветании, так что ганзейские города посылали туда свои товары для торговли и складов; корабли их ездили туда зимою и летом, что видно из древних конторских шрагов. Я и сам был там в 1570 г. и имел дела в старом, полуразрушенном дворе конторы, где еще стояла часть церкви св. Петра, которую купцы некогда выстроили из камня. В то время под церковью еще существовал небольшой склеп, где я мог держать напитки и съестные припасы. Кроме того, ничего уже не было, только еще одна деревянная комната, где я со своим слугой и с мальчиком имел пристанище, и еще другая подобная ей комната для русского дворника, который отворял и запирает двор».

В 1603 г. Новгород посетил секретарь ганзейского посольства Иоганн Брамбах. Целью посольства было возобновление торговой деятельности ганзейских купцов в России. Отчет Брамбаха о пребывании посольства в России содержит много фактических данных интересных как в географическом, так и в историческом отношении [16].

В XVII веке историко-географические описания Новгорода дополняются описаниями жизни и быта горожан. Наибольший интерес в этом плане представляет сочинение немецкого ученого-энциклопедиста Адама Олеария [17]. Он исполнял обязанности секретаря в посольстве О.Бруггемана — Ф.Крузиуса, отправленном из Гольштинии к царю и персидскому шаху для выяснения возможностей торговли с Персией через территорию Московского государства. Его широко известное сочинение «Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно» занимает выдающееся место среди современных ему иностранных сочинений о России. Оно отличается научным подходом, обстоятельностью, а также философским осмыслением исторического материала. Его описание Новгорода содержит не только сведения по истории города, но и детали повседневной жизни и быта новгородцев.

Довольно интересным представляется сообщение Олеария о том, что новгородский купец Петр Микляев, «умный и рассудительный человек», приехав в качестве посла в Гольштинию, хотел поручить ему своего сына

⁵ Этот взгляд Герберштейна разделяет А.Гваньини. Он, в частности, пишет о том, что «князь Московский Иоанн Васильевич ... вторгся в Новгород и поверг жителей в позорнейшее рабство» (Гваньини А. Описание Московии. М., 1997. С. 35).

⁶ Аделунг Ф. Корсунские врата, находящиеся в Новгородском Софийском соборе. М., 1834. С.105; Поппэ А.В. К истории романских дверей Софии Новгородской // Средневековая Русь. М., 1976. С. 191.

для обучения немецкому и латинскому языкам⁷. Этот факт, с одной стороны, является яркой деталью с точки зрения характеристики новгородского купечества, для которого знание языка становилось одним из условий коммерческого успеха, а с другой стороны, свидетельствует об устойчивом интересе новгородцев к западному культурному миру.

Современный Новгород поразил Олеария обилием церквей и монастырей. Он упоминает «прекрасно построенный» Хутынский монастырь и погребенного там Варлаама Хутынского, который, «как говорят, совершил много чудес, исцеляя больных». Первым из иностранцев он рассказал историю Антония Римлянина, который был для иностранцев самым известным новгородским святым, и построенного им монастыря. Об этом он узнал из рассказов новгородцев («рассказывал мне великокняжеский переводчик в Великом Новгороде»). От них он узнал также о том, что в соборе Рождества Богородицы Антониева монастыря хранятся мощи святого и камень, на котором он, по преданию, приплыл из Рима, но осмотреть их ему не удалось, поскольку иностранцев в собор не пускали.

Особую ценность труду Олеария придают гравюры, выполненные по сделанным им самим рисункам, представляющие портреты, бытовые сценки, виды местностей и городов, в том числе хорошо известное первое изображение Новгорода⁸.

Членом посольства Бруггемана — Крузиуса был также поэт немецкого барокко Пауль Флеминг, которого, по его собственным словам, «жар любопытства влек из края в край». Он описал свое путешествие в Персию через Россию в книге стихотворений, посланий, од и сонетов, которые дополнили сочинение Олеария. Флеминг стал автором первых поэтических произведений о Новгороде. Флеминг прибыл в Новгород с небольшой частью посольства по зимней дороге из Нарвы в начале марта 1634 г. во время лунного затмения, о чем он написал в одном из своих стихотворений, и провел здесь в ожидании основной части посольства пять месяцев весны и лета. Здесь он нашел отдохновение от бурь и бедствий войны, которой была охвачена его родина [18]. На фоне того, что он оставил на родине, жизнь в Новгороде представлялась ему спокойной и благополучной. В какой-то мере об этом свидетельствует его латиноязычное стихотворение “Ad hospitium Novgorodiae” («К гостеприимному Новгороду») [19]. Особый интерес представляет его поэма “In Gross—Neugart der Reussen” («В Великом Новгороде россов»).

Темой поэмы Флеминга является не скифская дикость, а жизнь народа, какой ее увидел автор. Он изобразил ее не только более позитивно, но и более конкретно по сравнению с теми представлениями, которые прежде существовали в европейской литературе. Флеминг не ищет экзотики, он описывает повседневные занятия жителей новгородской округи, их нравы, религиозность, непритязательный, граничащий с бедностью быт [20].

Поэма написана в жанре патриархальной идиллии со всеми присущими ей чертами и в то же время содержит детали русской действительности, свидетельствующие о наблюдательности автора. Жизнь новгородских крестьян, в которой он увидел чистоту и простоту человеческих отношений, представлялась Флемингу идиллической на фоне горестной судьбы Германии, охваченной пламенем Тридцатилетней войны, которую он описал в Новогодней оде 1633 г. перед отъездом в Россию.

По мнению М.П.Алексеева, посвятившего пребыванию Флеминга в Новгороде специальную статью, интерес к западному культурному миру в Новгороде носил более глубокий, органический характер, чем в других городах России. Поэтому Флеминг мог здесь не только встретить следы европейского влияния и свидетельства давних связей города с западным миром, но и услышать немецкую речь [21]. Он пишет также о том, что в Новгороде в лице царского толмача Генриха Ниенбурга Флеминг нашел ценителя и знатока немецкой поэзии, которому он посвятил два стихотворения, в одном из которых написал: «Я встретился здесь с таким умом, который любит мое искусство» [21, с. 555-556].

В 1661—1662 гг. в России побывал дипломатический представитель императора Леопольда I Августин Мейерберг. О своем путешествии он написал два сочинения на латинском языке: служебный отчет «Донесение о посольстве в Москве» и «Путешествие в Московию» [22], наполненное историческими и географическими сведениями, бытовыми зарисовками. Большой интерес для исследователей представляет так называемый «Альбом Мейерберга» — собрание 250 чертежей и рисунков, в том числе и те, что представляют виды различных местностей Новгородской земли: деревни Наволок, Красная, села Зайцево, Вины, Крестцы, Рахино, Яжелбицы, Иверский монастырь, переправу через реку Мошню, панораму Новгорода со стороны Ильменя.

Излагая легенду о призвании варягов, Мейерберг дает не летописный, а «русифицированный» ее вариант, в котором Рюрик выступает как представитель славянского племени, призванный новгородцами для борьбы с Киевом. Такой вариант гораздо доказательнее объяснял завоевание Киева Новгородом. М.А.Алпатов предположил, что в такой форме легенда о призвании варягов могла бытовать в московских придворных кругах, с которыми он соприкасался в течение года [22, с. 120].

Мейерберг называет Новгород «самым древним из всех русских городов» и сообщает, что его построили переселившиеся сюда дунайские славяне в двух верстах от озера Ильмень. «Княжество Великий Новгород в

⁷ [17, с. С. 204, 273]. Петр Микляев был представителем фамилии крупных торговцев и предпринимателей Новгорода XVII века, активно участвовал в международной торговле. Ему принадлежали большой двор на Рогатице и каменные палаты на Никитине улице (Варенцов В.А. Привилегированное купечество Новгорода XVI—XVII вв. Вологда, 1989. С. 51, 54, 60).

⁸ В лейденское издание Олеария вошла гравюра с панорамой Новгорода, выполненная Н.Витсенем (Дьяконова Ю. Путешествие в Московию в гравюрах Николааса Витсена // Антиквариат. 2004. № 10(21). С. 73).

старину было действительно великая волость Рюрика, потому что простиралось оно даже до Ливонии, Финляндии, Швеции и Норвегии» [22, с. 129]. Современный Новгород Мейерберг характеризует как крупный административный и церковный центр и отмечает, что он «еще и поныне славится своей торговлей, богатством и всяким имуществом, однако не так, как в прежние времена, от которых осталась поговорка: кто против Бога и Великого Новгорода?».

В июне 1683 г. в Новгороде побывал немецкий географ, натуралист и путешественник Энгельбрехт Кемпфер. Приказчик Шведского двора Филипп Финхаген помог членам посольства получить разрешение осмотреть знаменитый Антониев монастырь. В монастыре монахи рассказали Кемпферу легенду о святом Антонии, которую он не очень четко пересказал в своем дневнике. Особый интерес представляет описание камня св. Антония: «Камень святого Антония похож на мельничный жернов или каменное колесо, вмурованный на четверть или треть, так что вершина округлой стороной была обращена назад. Это был камень, с одной стороны плоский и несколько овальный, сзади же округлый и выпуклый. Он был обложен позолоченным пестрым венком или окладом и, кроме того, украшен изображениями святого Антония и другими картинами. Перед ним стояли два высоких светильника, длина которых спереди и в плоской части равнялась 6, ширина — 5 пядей, а толщина — 2½ пяди. На светильнике, который располагался впереди, висела маленькая, наклеенная на доску бумажная табличка на русском языке, на которой кратко излагалась история его путешествия и жизни» [23].

Немецкий литератор, юрист и путешественник Георг Адам Шлейссингер приехал в Россию в 1684 г. и прожил здесь около двух лет. Его сочинение «Полное описание России» [24] отражает уровень географических представлений о России образованных слоев европейского общества. Наибольшей достоверностью отличаются описания Москвы и Новгорода. Он первым из европейских путешественников оценил роль географической среды в истории Новгорода, отметив, что болота и волховские пороги играли роль естественного защитного фактора.

Основание Петербурга существенно повлияло на стратегическое и экономическое значение Новгорода. Город был вычеркнут из списка действующих крепостей, постепенно исчезают многие ремесленные профессии новгородцев, приходит в упадок некогда богатый новгородский торг, город приходит в запустение. Эти перемены зафиксировали немецкие сочинения о России XVIII века.

В 1716 г. через Новгород проезжал брауншвейгский дипломат Фридрих Христиан Вебер. Во время пребывания в России он вел регулярные записи обо всем замечательном из того, что ему довелось видеть или слышать. В 1721 г. он издал их во Франкфурте под названием «Преображенная Россия». В своих записках он представил читателям те перемены, которые произошли в царствование Петра I в России, в том числе в Новгороде: «Новгород довольно обширный, но состоящий большей частью из простых деревянных крестьянских изб; он обведен глубоким рвом и защищен древней каменной стеной. 21 год тому назад он весь сгорел, и теперь едва видны только следы его древнего великолетия; только при старательном исследовании на больших расстояниях по обеим сторонам города можно заметить, как далеко простиралась округность его в древние времена. Многие каменные монастыри уцелели от пожара, и теперь насчитывают их вместе со вновь выстроенными до 180 церквей в самом городе и окрестностях. Некогда Новгород славился цветущим состоянием по своей торговле, ибо находился в Ганзейском союзе и был в нем главным складским местом для других городов. Русские и теперь еще славятся этим городом и держат его в великом почете по причине покоящихся в нем нетленных мощей св. Антония и чудес его. Они показывают даже тот мельничный жернов, на котором этот святой приплыл в Новгород из Рима по открытому морю» [25].

Несмотря на то что в XVIII веке Новгород превращается в провинциальный центр Российской империи, количество иностранцев, проезжавших через Новгород, не сокращается, меняется лишь их состав. Теперь через Новгород по дороге из Петербурга в Москву ехали не купцы и дипломаты, а главным образом ученые и путешественники. В XVIII веке через Новгород проходили маршруты сибирских академических экспедиций, в составе которых были такие известные немецкие ученые-натуралисты, как Иоганн Георг Гмелин, Петр Симон Паллас, Иоганн Готлиб Георги, оставившие свои описания Новгорода⁹. Они знали, что Новгород «древен, знаменит и велик» (Георги). Однако их интересовали не только новгородские древности, но и демография, этнография, экономика, флора и фауна, полезные ископаемые города и городской округи. В этом плане весьма характерными являются заметки немецкого естествоиспытателя и путешественника П.С.Палласа, проезжавшего через Новгород в 1768 г.

Немецкий исторический писатель и священнослужитель Михаил Ранфт впервые обратил внимание на этнический состав местного населения и написал о том, что жители Новгородской провинции «в основном имеют финские корни и известны тем, что они трудолюбивее и старательнее других русских, хотя сами живут в нищете». Он сообщил также, что «Новгород ведет оживленную торговлю, особенно юфтью, и поэтому пользуется популярностью у иностранных купцов»¹⁰.

⁹ Gmelin J.G. Reise durch Sibirien von dem Jahr 1733. bis 1743. Teil 1—4. Göttingen, 1751—1752; Паллас П. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Т. 1. СПб., 1809; Научное наследие П.С.Палласа. Письма. 1768—1771. СПб., 1993; Georgi J.G. Geographisch-physikalische und naturhistorische Beschreibung des Russischen Reichs <...>. Königsberg, 1798; Ranft M. Vollständige Beschreibung des Russischen Reiches und aller dazu gehörigen Lande, Völker und Orte <...> Leipzig, 1767.

¹⁰ Ranft M. Vollständige Beschreibungen des Russischen Reiches und aller dazu gehörigen Lande, Völker und Orte ... Leipzig,

Интерес к Новгороду проявили также не бывавшие в нем известный немецкий публицист Пауль Якоб Марпергер [26] и ученый-энциклопедист Антон-Фридрих Бюшинг, автор «Нового землеописания», выдержавшего несколько изданий и переведенного почти на все европейские языки. В нем он дал описание Новгорода и Новгородской губернии¹¹. Следует отметить, что из всех иностранцев, побывавших в Новгороде в XVIII веке, только Бюшинг обратил внимание на то, что в Антониевом монастыре «располагается семинария для молодых людей»¹².

В XIX веке многие иностранцы видели в Великом Новгороде только “Magni nominis umbra” («Тень великого имени»). Побывавший в Новгороде в 1805 г. немецкий поэт и публицист Иоганн Готфрид Зейме увидел в здесь «только остатки былого великолепия»: «Издаেকে кажется, будто город и теперь еще имеет большое значение, внутри же все выглядит пустым, заброшенным, <...> людных улиц очень мало, <...> много обширных пустырей <...>. Где те времена, когда Новгород заставлял трепетать царей и когда возникла поговорка: “Кто пойдет против Господа Бога и Великого Новгорода?”» [27]. В 1812 г. через Новгород проезжал другой немецкий поэт и публицист, Эрнст-Мориц Арндт, который отметил, что Новгород «в теперешнем его положении, не произвел на меня столь сильного впечатления и лишь в некоторых церквях и в обширности своих стен <...> представляет следы своего величия» [28]. Пятнадцатилетнему сыну баварского придворного художника Петера Хесса Эугену Новгород образца 1839 г. показался осовременившимся и незначительным городком, торговля в котором теперь совершенно прекратилась [29].

Тем не менее былое величие и «тень великого имени» влекли европейцев в Новгород. Следует также отметить, что в первой половине XIX столетия политические симпатии демократических и либеральных кругов европейской интеллигенции в значительной мере подпитывали их интерес к республиканскому Новгороду, символом которого для них была Марфа Борецкая. Она упоминается в путевых заметках ландмаршала лифляндского дворянства Унгерн-Штернберга и немецкого путешественника и географа Иоганна Георга Коля. Он называет ее мужественной и патриотичной республиканкой, «которая для Новгорода была почти тем же, что и Брут для Рима и Костюшко для Польши» [30].

Следует отметить, что Коля первым из иностранцев написал о восстании военных поселян в Новгородской губернии в 1831 г. в связи с эпидемией холеры, на подавление которого прибыл сам император. Опрятные деревни и воины-земледельцы, «которые мирно пахали поля вдоль дорог», заставили его задуматься о том, «что за череда жестокостей могла быть причиной тому», что шесть лет назад в этих местах «возмущенные солдаты убили 75 врачей и несколько сотен офицеров, когда они забивали кнутом до смерти женщин и привязали одного из генералов к дереву и упражнялись на нем в стрельбе».

Наиболее подробные и обстоятельные описания Новгорода первой половины XIX века оставили Э.Б.С.Раупах и И.Ф.Унгерн-Штернберг. Уроженец Силезии Эрнст Бенъямин Соломон Раупах приехал в Россию в 1807 г. и занял в Петербурге место воспитателя в доме директора Липецких минеральных вод Ивана Николаевича Новосильцева.¹³ В 1809 г. он ездил на липецкие минеральные источники и по дороге в Липецк побывал в Новгороде. По всей вероятности, он заранее готовился к встрече с древним Новгородом, в который он «спешит войти» вместе с читателем его путевых заметок. Раупах задается вопросом о том, что привело к крушению Новгородской республики, и рассматривает как внутренние, так и внешние причины этого. К внутренним причинам он относит «нерешительность новгородцев и их вечные раздоры», которые он называет борьбой партий. К внешним — «торговлю со многими государствами» и «опасное соседство» с Польшей и Литвой: «Во время правления Ивана Васильевича II, прозванного тираном, Новгород попытался сбросить ярмо и отдаться в руки поляков, но это привело его к гибели».

Современный Новгород показался Раупаху достаточно привлекательным. Он не был разочарован тем, что увидел здесь, и в его описании не звучит тема контраста и обманутых ожиданий. По сравнению с предшественниками Раупах более подробно описал достопримечательности Новгорода.

По мнению Раупах, главными достопримечательностями Новгорода, являются церкви и монастыри, благодаря которым «любитель древности найдет здесь занятие на долгое время». Среди них он особо отмечает собор, «основанный сразу после принятия христианства в России в десятом веке первым епископом Иоакимом». Он пишет о богато декорированных моельных местах Софийского собора — епископском и царском — и отмечает, что их вытертый бархат «свидетельствует о набожности древних правителей». О бронзовых вратах западного фасада новгородской Софии он пишет, что они «были изготовлены в одиннадцатом веке в Константинополе, потом подарены греческим императором». В качестве достопримечательностей Софийского собора он отмечает также «мощи и саркофаги многих святых, которые играли огромную роль в греческих легендах» [31].

Пребывание в Новгороде не только позволило Раупаху испытать «ощущение величия», но и навело сентиментальные и философские мысли о смысле жизни и тщетности всего земного.

1767. S. 124.

¹¹ Anton Friedrich Bueschings neue Erdbeschreibung. Theil 2: Welcher Russland, Preussen, Polen und Hungarn mit denen dazugehoerigen und einverleibten Laendereyen enthaelt. Schaffhausen 1768. S. 107.

¹² Ibid.

¹³ В 1816—1822 гг. Раупах был профессором педагогического института и Санкт-Петербургского университета. В 1822 г. он уехал из России и поселился в Берлине.

Остзейский дворянин Иоганн Фридрих Унгерн-Штернберг побывал в Новгороде почти одновременно с Раупахом. Он приехал сюда с чувством живого нетерпения, поскольку ему «поскорее хотелось познакомиться с одним из самых древних и наиболее известных городов России — Новгородом». Во время прогулки по городу Унгерн-Штернберг и его спутники были поражены видом обветшалых каменных зданий, пустынных площадей и поросших травой улиц с одиноко стоящими покосившимися домами и редкими пешеходами. Полуразвалившиеся лавчонки показались им злой насмешкой над былым торговым величием Новгорода, удар по которому нанесло строительство Петербурга, окончательно лишившее Новгород возможности развития.

Действительно, к концу XVIII века Новгород утратил свой экономический потенциал, но сохранил потенциал культурный. Проезжавший через Новгород в 1805 г. немецкий поэт и эстетик Георг Райнбек сумел разглядеть перспективы его развития как одного из культурных центров империи: «Чем бы только он не мог стать, если бы на него обратили должное внимание! Он бы приобрел некое значение, наряду со все поглощающими Петербургом и Москвой, и была бы определенная польза в том, что в глубинке существует множество процветающих второстепенных и третьестепенных в смысле культуры городов» [3, s. 105].

Немецкие путешественники, побывавшие в Новгороде в XIX веке, возлагали определенные надежды на то, что в будущем этот «увенчанный венком свободы торговли и международных связей» город подобно Фениксу вновь возродится из пепла, как это уже бывало в его истории, и сможет развиваться как один из культурных центров империи. В какой-то мере эта тенденция получила развитие на рубеже XX и XXI веков. Не случайно журналист «Шпигеля» Эрик Фоллат назвал Новгород «городом надежды» [32].

Сегодня ганзейское прошлое Новгорода является одной из составляющих новгородского мифа. По мнению американского исследователя Н.Петро, оно «могло не впечатлять российских инвесторов, но эффективно действовало на делегации из Дании, Швеции и Германии» [33].

1. Пассек Т.П. Из дальних лет. Т. 2. М., 1963. С. 289.
2. Аделунг Ф. Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года. Ч. 1—2. М., 1864.
3. Reinbeck G. Fluechtige Bemerkungen auf einer Reise von St. Petersburg über Moskwa, Grodno, Warschau, Breslau nach Deutschland im Jahre 1805. S. 103.
4. Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. Рязань: Александрия, 2009. 351 с.
5. Ливонская старшая рифмованная хроника // Крестоносцы и Русь. Конец XII—1270. М., 2002. С. 35-42.
6. Хорошкевич А.Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980. С. 7.
7. Рыбина Е.А. Торговля средневекового Новгорода. Великий Новгород, 2001. С. 208.
8. Johannes Schildhauer, Konrad Fritze, Walter Stark. Die Hanse. Berlin, 1981. 252 s.
9. История внешней политики России. Конец XV—XVII век. М., 1999. С. 118-119.
10. Герберштейн С. Записки о Московии: В 2 т. М., 1988. Т. 1-2.
11. Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа XII—XVII вв. М., 1973. С. 251.
12. Послание Иоганна Таубе и ЭлERTA Крузе // Русский исторический журнал. 1922. № 8. С. 8-59.
13. Штаден Г. Записки немца-опричника. М., 2002. 192 с.
14. Шлихтинг А. Новое известие о России времени Ивана Грозного. Л., 1934. 64 с.
15. Ливонская летопись Франца Ниенштедта // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. 3—4. Рига, 1880—1883.
16. Отчет о поездке ганзейского посольства из Любека в Москву и Новгород в 1603 г. // Сборник материалов по русской истории начала XVII века. СПб., 1896. С. 13-45.
17. Оларий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906; Смоленск, 2003. 582 с.
18. Johansen P. Der Dichter Paul Fleming und der Osten // Hamburger Mittel- und Ostdeutsche Forschungen. Bd. 2. Hamburg, 1960. S. 20.
19. Fleming P. Lateinische Gedichte. Stuttgart, 1863. S. 36.
20. Lohmeier D. Paul Flemings poetische Bekenntnisse zu Moskau und Russland // Russen und Rußland. S. 353.
21. Алексеев М.П. Немецкий поэт в Новгороде XVII века // Известия АН СССР. Серия VII: Отд. общ. наук. 1935. № 6. С. 554—555.
22. Мейерберг А. Путешествие в Московию. М., 1874; Альбом Мейерберга. Виды и бытовые картины XVII века. Объяснительные примечания к рисункам. СПб., 1903.
23. Engelbrecht Kämpfer Werke. Bd. 6. Russlandtagebuch. 1683. München, 2003. S. 112.
24. Шлейсингер Г.-А. Полное описание России // Вопросы истории. 1970. № 1. С. 103-126.
25. Записки Вебера о Петре Великом и его преобразованиях // Русский архив. 1872. № 7.
26. Marperger P.J. Moskovitischer Kauffmann. Lübeck, 1705. S. 54-55.
27. Зейме И.Г. Мое лето 1805 года // Немецкие демократы XVIII века. М., 1956. С. 601.
28. Арндт Э.М. Воспоминания о 1812 годе // Русский архив, 1871. Вып. 2. Стб. 090-091.
29. Эуген Хесс. Русский дневник. М., 2007. С. 105-106.
30. Kohl J.G. Reisen im Inneren von Rußland und Polen. Dresden, 1841. S. 18-19, 32.
31. D.R. Reise von Sankt Petersburg nach Moskwa im Jahr 1801 bei Gelegenheit der Krönung des Kaisers Alexander I daselbst. Meiningen, 1823. S. 36-37.
32. Erich Follath. Stadt der Hoffnung // Der Spiegel. 2000. № 20. S. 202-207.
33. Петро Н. Взлет демократии: новгородская модель ускорения социальных изменений. М., 2004. С. 235.

References

1. Passek T.P. Iz dal'nikh let, vol. 2 [From distant years]. Moscow, 1963, p. 289.
2. Adellung F. Kritiko-literaturnoe obozrenie puteshestvennikov po Rossii do 1700 goda [Critical and literary review of travelers in Russia until 1700]. Ch. 1—2. Moscow, 1864.
3. Reinbeck G. Fluechtige Bemerkungen auf einer Reise von St. Petersburg über Moskwa, Grodno, Warschau, Breslau nach Deutschland im Jahre 1805, p. 103.

4. Genrikh Latviyskiy. Khronika Livonii [Chronicle of Livonia]. Ryazan', 2009. 351 p.
5. Livonskaya starshaya rifmovannaya khronika [Livonian rhymed chronicle]. Krestonosty i Rus'. Konets XII—1270. Moscow, 2002, pp. 35-42.
6. Khoroshkevich A.L. Russkoe gosudarstvo v sisteme mezhdunarodnykh otnosheniy kontsa XV — nachala XVI v. [International relations of the Russian state at the end of the 15th — beginning of the 16th century]. Moscow, 1980, p. 7.
7. Rybina E.A. Torgovlya srednevekovogo Novgoroda [Trade of medieval Novgorod]. Velikiy Novgorod, 2001, p. 208.
8. Johannes Schildhauer, Konrad Fritze, Walter Stark. Die Hanse. Berlin, 1981. 252 p.
9. Istoriya vneshney politiki Rossii. Konets XV—XVII vek. [History of Russian foreign policy]. Moscow, 1999, pp. 118-119.
10. Herberstein S. Notes upon Russia [Rerum Moscoviticarum Commentarii], trans. R. H. Major. London, Hakluyt Society, 1851—52. (Russ. ed.: Gerbershteyn S. Zapiski o Moskovii in 2 vols. Moscow, 1988, vols. 1-2.)
11. Alpatov M.A. Russkaya istoricheskaya mysl' i Zapadnaya Evropa XII—XVII vv. [Russian historical thought and Western Europe in the 12th—17th centuries]. Moscow, 1973, p. 251.
12. Poslanie Ioganna Taube i Elerta Kruze [Speech of Johann Taube and Elert Kruse]. Russkiy istoricheskiy zhurnal, 1922, no. 8, pp. 8-59.
13. Shtaden G. Zapiski nemtsa-oprichnika [Notes of the German Oprichnik]. Moscow, 2002. 192 p.
14. Shlikhting A. Novoe izvestie o Rossii vremeni Ivana Groznogo [Some news about Russia during the time of Ivan the Terrible]. Leningrad, 1934. 64 p.
15. Livonskaya letopis' Frantsa Nienshtedta [Livonian Chronicle by Franz Nienstedt]. Sbornik materialov i statey po istorii Pribaltiyskogo kraya, vols. 3—4. Riga, 1880—1883.
16. Otchet o poezdke ganzeyskogo posol'stva iz Lyubeka v Moskvu i Novgorod v 1603 g. [Report on the trip of the Hanseatic embassy from Lübeck to Moscow and Novgorod in 1603]. Sbornik materialov po russkoy istorii nachala XVII veka. Saint Petersburg, 1896, pp. 13-45.
17. Oleariy A. Opisanie puteshestviya v Moskoviyu i cherez Moskoviyu v Persiyu i obratno [Notes on the journey to Muscovy and through Muscovy to Persia and backwards]. Saint Petersburg, 1906; Smolensk, 2003. 582 p.
18. Johansen P. Der Dichter Paul Fleming und der Osten. Hamburger Mittel- und Ostdeutsche Forschungen. Bd. 2. Hamburg, 1960, p. 20.
19. Fleming P. Lateinische Gedichte. Stuttgart, 1863, p. 36.
20. Lohmeier D. Paul Flemings poetische Bekenntnisse zu Moskau und Russland. Russen und Rußland, p. 353.
21. Alekseev M.P. Nemetskiy poet v Novgorode XVII veka [German poet in Novgorod of the 17th century]. Izvestiya AN SSSR. Seriya VII: Otd. obshch. nauk, 1935, no. 6, pp. 554-555.
22. Meyerberg A. Puteshestvie v Moskoviyu [Travel to Muscovy]. Moscow, 1874; Al'bom Meyerberga. Vidy i bytovye kartiny XVII veka. Ob'yasnitel'nye primechaniya k risunkam [Meyerberg's album. Landscapes and everyday paintings of the 17th century. Explanatory notes to sketches]. Saint Petersburg, 1903.
23. Engelbrecht Kämpfer Werke. Bd. 6. Russlandtagebuch. 1683. München, 2003, p. 112.
24. Shleysinger G.-A. Polnoe opisanie Rossii. Voprosy istorii, 1970, no. 1, pp. 103-126.
25. Zapiski Vebera o Petre Velikom i ego preobrazovaniyakh. Russkiy arkhiv, 1872, no. 7.
26. Marperger P.J. Moskovitischer Kauffmann. Lübeck, 1705, pp. 54-55.
27. Zeyme I.G. Moe leto 1805 goda [My summer of 1805]. Nemetskie demokraty XVIII veka. Moscow, 1956, p. 601.
28. Arndt E.M. Vospominaniya o 1812 gode [Memories about 1812]. Russkiy arkhiv, 1871, iss. 2, stb. 090-091.
29. Eugen Khess. Russkiy dnevnik [Russian diary]. Moscow, 2007, pp. 105-106.
30. Kohl. J.G. Reisen im Inneren von Rußland und Polen. Dresden, 1841, pp. 18-19, 32.
31. D. R. Reise von Sankt Petersburg nach Moskwa im Jahr 1801 bei Gelegenheit der Krönung des Kaisers Alexander I daselbst. Meiningen, 1823, pp. 36-37.
32. Erich Follath. Stadt der Hoffnung. Der Spiegel, 2000, no. 20, pp. 202-207.
33. Petro N. Vzlet demokratii: novgorodskaya model' uskoreniya sotsial'nykh izmeneniy [The rise of democracy: Novgorod model for accelerating social changes]. Moscow, 2004. S. 235.

Kovalenko G.M. “City of Hanseatic memories”. The paper studies the perception of the Hanseatic past of Velikiy Novgorod by foreign travellers who visited the city in the 15th—19th centuries. Novgorod used to flourish as one of the greatest trading centres of eastern Europe, and it is remembered by the foreigners. The glory days of the Hanse city were in the past, but still it remained a very special place for foreign tourists.

Keywords: Novgorod the Great, foreigners in Novgorod.

Сведения об авторе. Геннадий Михайлович Коваленко — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН; gmk49@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 20.10.2019. Принята к публикации 10.11.2019.